МОСКОВСКАЯ ПРАВДА
г. Москва
1 ФЕВ 1968

● ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

И СНОВА ПОИСК

В. АНДРЕЕВ в роли лейтенанта Шмидта.
Фото Л. Еллинской.

С ТЕХ ПОР минуло уже двенадцать лет. На репетиции в театре имени Ермоловой пьесы «Любовь навсегда» (в других театрах потом ее назвали «Вечно живые») замечательный режиссер и педагог Андрей Михайлович Лобанов говорил:

— Помяните мое слово! Из Володи Андреева получится первоклассный актер. Какая тревога звучит в голосе его юноши, влюбленного в Веронику! Володя в ГИТИСе был учеником моим и А. А. Гончарова. И всегда радовал нас беспрестанными поисками все новых выразительных средств. Порой нас даже утомляли его приставания: «А может, так, а может, этак?». Тятин в «Достигаеве» — первая его роль на ермоловской сцене. Сказать по правде, я сомневался: вытянет ли? А вот вытянул же! И всегда он разный. В старину Володю, несмотря на данные «героя-любовника», окрестили бы «характерным актером». Теперь-то мы знаем, что все хорошие актеры — характерные актеры...

Вскоре Андреев создает обаятельный образ строгого и серьезного сибирского школьника в пьесе «В добрый час». И уже без колебаний его вводят в спектакле «Старые друзья» на роль Шурки Зайцева, в свое время прославившую Всеволода Якута. А затем С. Гушанский, ставя драматическую поэму «С новым счастьем!», назначает Андреева на роль Алексея. Андреев терзается сомнениями, почти готов отказаться от роли.

— Никак не могу проникнуть в психологию этого анархиствующего парня, — жалуется Володя. — Да, широкая, вольная натура. Да, моему Алексею здесь, на целине, от души поется: «Метет метель, и вся земля вознобе, и поезд мчится сквозь метель». Но не в этом же суть образа. А в чем же?..

И только перед самой премьерой Андреев почувствовал, что смысл жизни его герой находит в коллективном труде.

Так Андреев создает галерею наших молодых современников. Романтизмом наполняет он роль Кости Жаворонкова в пьесе «Несносный характер». Всеобщее признание вызывает его комсомольский вожак Глеб Космачев в одноименной пьесе. Но такие, как Глеб, были хорошо знакомы Андрееву, родившемуся в рабочей семье. Но вот каково ему будет «влезть в шкуру» английского аристократа, истеричного циника Гордона из «Опасного поворота» Д. Пристли? И Андреев обнаруживает новую, неожиданную грань своего дарования — сатирическую. А когда Л. Варпаховский поручает ему в «Мольбе о жизни» роль Робера Массубра, Андреев вызывает чувство острой ненависти к этому персонажу.

Еще много других ролей сыграл Андреев в советском и иностранном репертуаре. И среди них Аттилио в пьесе «Суббота, воскресенье, понедельник». Но к этому времени Андреев вступает еще и на путь режиссуры, ставит «Мать своих детей», «Фунт мяса», «Бал воров». И еще успевает сниматься в десятке кинофильмов, где создает такие впечатляющие образы, как Яков Узелков в «Жестокости» по повести П. Нилина. При столь интенсивной творческой работе он сперва комсорг театра, потом председатель месткома, секретарь парторганизации. Его можно встретить то в цехе московского завода, то в научно-исследовательском институте, а во время гастролей театра — на стройках, в колхозах. И всюду он в общении с людьми запоминает те черты характера, которые понадобятся ему в будущей сценической работе. И когда драматург предложит ему своего героя, Андреев обогатит образ собственным запасом жизненных наблюдений.

Минувший, 1967 год, был для Владимира Алексеевича особенно плодотворным. На экране он превратился в добродушного, по-детски наивного царя Салтана из сказочного фильма Александра Птушко. И беспощадно осмеял бюрократа и глупца Цудрика в фильме «У себя дома».

А в своем театре? Две центральные, две сложнейшие роли: Голубков в «Беге», лейтенант Шмидт в одноименном спектакле. Сбылось предвидение А. М. Лобанова. Как и в юных своих работах, сегодняшний Андреев по-прежнему правдив и удивительно органичен. Но теперь его искусство стало психологически значительно тоньше.

Горькое прозрение Голубкова, с мечтательных глаз которого медленно спадает розовая пелена, раскрывает Андреев и в действенных «снах», и в предваряющих их рассказах о событиях гражданской войны. Патриотическое чувство, нравственная чистота, рыцарская, самоотверженная любовь к Серафиме, спутнице его бегства и возвращения на революционную родину, — все эти грани внутреннего мира петербургского молодого ученого Андреев обнаруживает с прозрачной ясностью и деликатностью.

Еще ответственнее и сложнее новая роль — лейтенант Шмидт. И потому, что Шмидт — реальное историческое лицо, и потому, что спектакль построен не на цельной драматургической основе, а на монтаже документов, стихов и писем. И на этот раз Андрееву помогли пытливый ум и работоспособность. В часы между репетициями и спектаклями он погружался в книги о 1905 годе, о подвиге лейтенанта Шмидта. Вот почему зрителям спектакля кажется, будто мысли, чувства, героические решения Шмидта — Андреева рождаются тут же, перед ними, сидящими в партере ермоловского театра.

В. А. Андреев в расцвете творческих сил. Впереди — дальнейший подъем к вершинам искусства. Он одолеет его. Тому порукой — неустанность его сценических поисков.

М. БЕРТЕНСОН.